

ОТ РЕДАКЦИИ

Несколько лет назад словно вернулся в «Юность» Анатолий Алексин. Вновь его имя буквально зазвучало в нашем редакционном совете, а новые маленькие повести классика стали украшать страницы журнала.

Проза Алексина приходила к читателям именно из книжек «Юности». Так было когда-то, но и сегодня все по-прежнему. И вдруг — да-да, вдруг! — Анатолий Георгиевич умирает...

Из Люксембурга позвонила Алена Зандер, названная дочь Анатолия Алексина, и сказала, что он умер 1 мая. Ему шел 93-й год.

У нас что-то перестают жалеть старых людей. Отжил девяносто, да еще с гаком, сполна получил свой кусок жизни — возблагодарим судьбу.

И все-таки, все-таки... Ведь каждого должна посещать эта простая мысль: с уходом дорогого или просто хорошо тебе знакомого человека уходит и часть тебя самого. Уходят встречи, споры, несогласия. Даже обиды уходят.

Я был готов к звонку из Люксембурга, потому что сумел попрощаться с Анатолием Георгиевичем. Два года назад меня позвали в Париж на презентацию двух моих переведенных книг, и сын мой Дмитрий, хорошо знавший и Алену, и Алексина, предложил: «А давай съездим к нему, там же рядом!»

Мы взяли пару его новоизданных в Москве книг, которых он не видел, и скоро оказались в чистенькой богадельне, которую по-нашему можно назвать домом ветеранов, но тяжелобольных.

Анатолий Георгиевич сидел в коляске, я подошел к нему, наклонился, спросил:

— Узнаешь?

Слезы выкатились из немигающих глаз. Он прошептал:

— Я все помню!

Нам разрешили переместиться к ресторанчику напротив, мы заказали обед, немного коньяка.

Альберт Лиханов, возможно, последний из писателей такого уровня, совсем недавно ездил к Алексину в Люксембург, а сейчас вот перед вами лихановские слова прощания...

Единственное, в чем мы не согласимся с Альбертом Анатольевичем, — никуда Алексин не эмигрировал, по тому что из «Юности» эмигрировать невозможно!

Он почти не говорил — как это непохоже на Алексина. Но то, что произносил шепотом, было для него решающим, хотя и неисполнимым.

Незадолго до этого, в том же корпусе, что и дом престарелых, в клинике, скончалась от онкологии его жена Татьяна Евсеевна Сетунская. Мы успели с ней перемолвиться в Интернете... А на книжки из Москвы он глянул отстраненно, как на что-то чуждое — и это было непохоже на него.

Коньяк он выпил. Дмитрий с Аленой отошли в сторону, и я сказал то, что должен, наверное, был сказать, потому что любил и люблю его повести, напечатанные в «Юности» и искренне, широко признанные дома.

— Зря вы уехали! В России вам было бы лучше. Вам бы поклонялись и новые люди, и нынешнее государство!

Из него снова покатались слезы. Он прошептал:

— Можно мне вернуться?

— Конечно, можно! — воскликнул я, а за скобками повисло: только к кому?

Когда с кем-то долго не видишься, не переписываешься, не говоришь по телефону, такой человек как бы замирает во времени — остается в сознании твоём таким, каким ты его запомнил при последних встречах. Я содрогался, разглядывая дорогого друга через двадцать лет после последнего общения. Он уехал в Израиль, не сказав об этом даже своим самым близким друзьям, хотя кому какое дело до именно такого

Анатолий Алексин и Альберт Лиханов

решения взрослого человека? Не попрощался он и со мной. И вот теперь я сидел с ним, двадцать лет спустя, совсем по Дюма, и не испытывал никакой досады.

Он выбрал свое. Он поверил в то, что не знал, и разуверился в том, что его признавало: и орден Ленина, и два «Трудовика», и две Госпремии, и Собрание сочинений, и, главное, признание читательских миллионов — можно было рассчитывать на такое же, переехав даже в самую теплую заграницу?

Впрочем, ошибаются все, и у каждого свои печали.

А тогда я попросил Анатолия Георгиевича подписать автограф читателям «Юности». Почти уверен, что это был последний автограф.

Анатолий Георгиевич прославился тем, что писал короткие повести, — потому, среди прочего, у него было и есть множество читателей. Когда он печатался в «Юности» (больше 20 повестей), все это становилось мгновенным достоянием огромной среды — такого не было никогда и нигде в мире. Его повести влияли на мораль напрямую — они становились действенным педагогическим инструментом. Его люби-

ли учителя — он помогал им воспитывать учеников: тогда это крепко ценилось.

Если же говорить о славе прижизненной — она всегда желанней, ибо очевидна, реальна, ощути-ма, — так страна ею щедро расплачивалась с этим замечательным мастером ее и за ней бы «не заржаве-ло» ценить его и далее, даже с особым тщанием, не перемены он места жительства. Но в поисках чего? Свободы? Так вот она, ешь, не хочу. Славы, так сказать, мировой — так она была и прежде, да и не лучше ли достигать ее из дому? Правды? Ею уже никого не удивишь, не сотрясешь ею первооснов отеческих. Впрочем, не звучит ли все это как запоздалый призыв к возвращению?

Царствие тебе небесное, дорогой Анатолий Георгиевич! Я уверен, что ты не обидишься на меня за эти мои слова. Ведь ты и похоронить-то завещал свой прах в Москве, а это значит — вернулся.

А судить — это не право, данное нам. Нам, столь же грешным, дается другое право — не судить!

Не зря же сказано: «Не суди, да не судим будешь!»

Альберт Лиханов

2 мая 2017 года